

На правах рукописи

ПАРАХИН Сергей Алексеевич

**РЕПРЕССИВНЫЕ ОРГАНЫ
СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ 1918 – 1922 гг.
(на материалах Тамбовской губернии)**

Специальность 5.6.1 «Отечественная история»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Тамбов, 2025

Работа выполнена на кафедре «История и философия» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный технический университет» (ФГБОУ ВО «ТГТУ»).

Научный руководитель *Безгин Владимир Борисович,*
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: *Сафонов Дмитрий Анатольевич,* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Позднякова Анастасия Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева»

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Защита состоится 25 декабря 2025 года в 11 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 99.2.052.03 на базе ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» по адресу: 392003 г. Тамбов, ул. Рылеева, д. 52А, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» по адресу: 392012, г. Тамбов, ул. Советская, д. 6 и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» <http://www.tsutmb.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Жуковская Наталия Юрьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена потребностью научного осмысления феномена советского тоталитаризма, изучения роли насилия и репрессивного фактора в управлении обществом, оценки действенности чрезвычайных мер власти во время социально-экономических кризисов и общественно-политических потрясений. Востребованными в исследовательском поле отечественной истории остаются проблемы создания и деятельности карательных органов первых лет советской власти, масштаба и форм государственного террора, отношения населения к репрессивным мерам. Общественная значимость исследования состоит в удовлетворении социального запроса на обоснованность властных запретов и ограничений, допустимость силовых акций в отношении гражданского протеста, ужесточение наказания за государственные преступления, нарушение общественного порядка, дискредитацию вооруженных сил страны.

Объектом исследования выступают органы советской системы управления периода 1918 – 1922 гг., осуществлявшие репрессивные функции.

Предметом исследования изучения являются организация и деятельность чрезвычайных органов, репрессивная политика власти в сборе продрозверстки и борьбе с дезертирством, карательные меры в отношении крестьянских повстанцев.

Хронологические рамки исследования определены в нижней границе временем установления советской власти в регионе и создания органов, осуществлявших борьбу с различными проявлениями антиправительственного протеста. Верхний рубеж обусловлен как периодом реорганизации (ликвидации) изучаемых органов, так и подавлением вооруженного сопротивления тамбовских крестьян.

Административные границы исследования включают территории уездов и Тамбовской губернии в целом согласно административному делению, действующему в изучаемый период. Выход за их пределы обусловлен сравнительным анализом, выявлением региональных особенностей изучаемого процесса.

Степень изученности темы. Историография проблемы разделена на советский и постсоветский периоды. Ее анализ осуществлен на основе структуры работы и проблемно-хронологического принципа. Формирование репрессивных органов происходило в условиях гражданской войны. По этой причине создаваемые органы были вооруженными формированиями, их деятельность носила ситуативный характер и была временной.

Историография продовольственных отрядов первых лет советской власти представлена в виде брошюр и статей, преимущественно агитационно-

пропагандистского содержания¹. В рамках формационного подхода советские историки трактовали применение продотрядами насилия как вынужденную меру с целью сломить «кулацкий» саботаж². По мнению Ю. К. Стрижкова, «борьба за хлеб являлась составной частью классовой борьбы»³. На рубеже XX–XXI вв. специалисты трактовали продовольственную политику как способ «приобщения крестьян к социализму», когда в ходе продразверстки были экономически ограблены зажиточные крестьяне⁴. В последние годы проблема активно изучалась исследователями на региональном уровне⁵.

Интерес к проблеме дезертирства и борьбы с ним проявился сразу по окончании гражданской войны. В работе С. Оликова дан анализ карательных и предупредительных мер борьбы с дезертирством. Рост числа дезертиров он связывает с массовыми мобилизациями в Красную армию⁶. В последние годы эта тема активно изучается. Белова И. Б. утверждает, что сочувствие и поддержка населением дезертиров носили массовый характер, поэтому ликвидация дезертирства была неосуществима⁷. Подъем повстанческого движения И. А. Бобровский выводит из репрессивной политики власти по отношению к дезертирам⁸. В публикации А. В. Медведева даны примеры преступных

¹ Самойлова К. Продовольственный вопрос и Советская власть. Пг., 1918; Орлов Н. А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919; Свидерский А. И. Продовольственная политика. М., 1920.

² Генкина Э. Б. Переход советского государства к новой экономической политике. М., 1954; Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм». Политика, практика, идеология. М., 1973; Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

³ Стрижков Ю. К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917 – 1921. гг. М., 1973. С. 300.

⁴ Осипова Т. В. Российские крестьяне в революции и гражданской войне. М., 2001; Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; Берсенев В. Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург, 1995; Чуканов И. А. Политика большевиков Среднего Поволжья в голодные 1918 – 1921 годы // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 78 – 80.

⁵ Булюлина Е. В. Управление продовольственным делом и заготовками в Нижнем Поволжье в 1917 – 1924 гг. // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2020. № 13(84). С. 182 – 186; Васильев М. В. Учет и реквизиции продовольствия в Псковской губернии 1917 – 1920 гг. // Псков. 2012. № 37. С. 124 – 147; Михайлов В. А. Деятельность продотрядов и продармии в Саратовской губернии в 1918 году // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 10(76), № 2. С. 110 – 116.

⁶ Оликов С. Дезертирство Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С. 13.

⁷ Белова И. Б. Дезертирство в Советской России в 1918 – первой половине 1920-х гг. (по материалам Калужской губернии) // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 2. С. 38.

⁸ Бобровский И. А. «Зеленые армии» дезертиров Воронежской губернии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, Вып. 5(98). С. 1937 – 1944.

действий отрядов и злоупотреблений уездных комиссий по борьбе с дезертирством⁹. Деятельность уездных комиссий в осуществлении мер по борьбе с дезертирством изучена в статье А. С. Поздняковой¹⁰. Раков Н. В. отметил, что в борьбе с дезертирством власть использовала принцип круговой поруки и применяла метод взятия заложников¹¹.

Изучение частей особого назначения началось в 1920-е гг. и носило описательный характер. В работах этого периода обосновывалась необходимость их создания и содержалась позитивная оценка вклада в дело борьбы с контрреволюцией. Для публикаций 1930-х – начала 1950-х гг. было характерно освещение боевой деятельности частей особого назначения (ЧОН). В 1960 – 1980-е годы развитие получила тема истории создания ЧОН в регионах. Вопросы организации, кадрового обеспечения, борьбы с бандитизмом отрядов особого назначения исследованы в современных публикациях И. С. Сильченко, М. В. Чигрина, А. Н. Шалганова¹².

Первые публикации о деятельности органов государственной безопасности появились еще во времена существования ВЧК, авторами этих работ являлись сами чекисты¹³. Из литературы периода 1950 – 1970-х гг. следует отметить книгу А. С. Велидова, которая, при всей своей политической ангажированности, содержит богатый фактический материал¹⁴. В постсоветский период история органов госбезопасности изучалась весьма активно. Историком спецслужб А. М. Плехановым была защищена докторская диссертация, посвящен-

⁹ Медведев А. В. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним в Нижегородской губернии в годы гражданской войны (1918 – 1920) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. История. 2015. № 3. С. 72 – 81.

¹⁰ Позднякова А. С. Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 56 – 66.

¹¹ Раков Н. В. Уклонение от призыва и дезертирство из РККА в годы Гражданской войны (на материалах Курской губернии) // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. Т. 2, № 3(10). С. 2 – 4.

¹² Сильченко И. С. Организационно-кадровые проблемы формирования отрядов и частей особого назначения Екатеринбургской губернии в 1919 – 1923 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1(17). С. 80 – 88; Чигрин М. В. Части особого назначения: процесс формирования на территории Симбирской губернии в 1918 – 1922 гг. // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). 2019. № 3(29). С. 113 – 121.; Шалганов А. Н. Борьба с бандитизмом в Омской губернии в 1922 – 1925 гг. // Омский научный вестник. 2011. № 3(98). С. 38 – 40.

¹³ Лацис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; Малицкий А. Чека и ГПУ. Харьков, 1923; Петерс. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции // Пролетарская революция. 1924. № 10(33). С. 5 – 32.

¹⁴ Велидов А. С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК (1917 – 1920 гг.). М., 1970.

ная начальному периоду деятельности ВЧК¹⁵. В монографии М. Н. Петрова исследована деятельность губернских комиссий Северо-Запада России¹⁶. Участие органов государственной безопасности в «красном терроре» нашло отражение в книге А. Л. Литвина¹⁷. Рассказов Л. П. изучил место и роль ВЧК в советском государстве¹⁸. Значение политического и идеологического факторов в создании и функционировании чрезвычайных комиссий раскрыто в книге С. В. Леонова¹⁹. Начало XXI в. было отмечено выходом в свет целого ряда работ, посвященных истории ВЧК в период гражданской войны²⁰. На современном этапе историографии наиболее полно репрессивный характер деятельности ВЧК раскрыт в трудах О. Б. Мозохина²¹. Тема участия ЧК в репрессиях в период гражданской войны сохраняет свою актуальность и неоднозначность оценок²². О репрессивной деятельности ВЧК в Самарской губернии 1918 г. размышляет в своей статье П. А. Мистрюгов²³. По его мнению, «обеспечение политического существования советской власти и РКП(б) ... осуществлялось

¹⁵ Плеханов А. М. Деятельность ВЧК-ОГПУ в первой половине двадцатых годов. 1921 – 1925 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.

¹⁶ Петров М. Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород, 1995.

¹⁷ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России 1917 – 1922 гг. Казань, 1995.

¹⁸ Рассказов Л. П. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества, 1917 – 1941 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994.

¹⁹ Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917 – 1921 гг. М., 1997.

²⁰ Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917 – 1922. М., 2008; Кубасов А. Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 г. – февраль 1922 г.). М., 2008; Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921 – 1934 гг.) М., 2008; Остапенко П. И., Чупринова Т. А. Чрезвычайные формы регулирования хозяйственно-экономической жизни Советской России в годы гражданской войны (по материалам ВЧК). Краснодар, 2011.

²¹ Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918 – 1953). М., 2006; Он же. ВЧК-ОГПУ-НКВД: На защите экономической безопасности государства. 1917 – 1941 годы. М., 2018; Он же. Глава 1. ВЧК // История России: в 20 т. М., 2024. Т. 12. Кн. 2. С. 77 – 97.

²² Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006; Христофоров В. С. Создание, правовое положение и полномочия ВЧК-ОГПУ (1917 – 1922 гг.) // ВЧК (1917 – 1922 гг.): к столетию создания: сб. ст. и док. М., 2017. С. 15 – 40; Мистрюгов П. А. Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы гражданской войны. Самара, 2018; Соколов А. С. Роль и место органов ВЧК в политике красного террора // Власть. 2019. № 2. С. 211 – 216.

²³ Мистрюгов П. А. Репрессии органов ВЧК в Самарской губернии в 1918 г. // Вестник СамГУ. 2013. № 8/2 (109). С. 155 – 158.

чрезвычайными, в том числе, репрессивными методами»²⁴. Соколов А. С. полагает, что направление деятельности чекистов в проведении карательной политики задавалось сверху²⁵. На основе документов А. П. Шекшеевым изучена практика взятия чекистами заложников в ходе карательных операций²⁶.

В последние два десятилетия репрессивная деятельность губернской милиции достаточно активно изучалась на региональном уровне. Роль правоохранительных органов губерний Центрального Черноземья в борьбе с политическим бандитизмом установлена в статье Е. А. Зверкова²⁷. Сибирские историки оценили вклад милиции Енисейской губернии в подавлении повстанческого движения на территории края²⁸. По мнению К. А. Орлова и В. А. Чашникова, в ходе подавления массовых протестных выступлений «часть сотрудников советской милиции стремилась уклониться от выполнения карательных функций и часто переходила на антибольшевистские позиции»²⁹. Деятельность политических бюро при начальниках уездных управлений милиции в 1919 – 1922 гг. стала предметом исследования в статье А. Е. Епифанова³⁰.

Работы о деятельности революционных трибуналов, вышедшие в 1920 – 1930-е гг., освещали вопросы правовой основы организации трибуналов³¹, содержали характеристику их деятельности в годы гражданской войны³². В постсоветский период опубликован ряд работ, изучавших роль революционного правосудия в осуществлении репрессивной политики коммунистического

²⁴ Там же. С. 158.

²⁵ Соколов А. С. Роль и место органов ВЧК в политике красного террора // Власть. 2019. № 2. С. 211 – 216.

²⁶ Шекшеев А. П. Заложничество как метод борьбы советской власти с крестьянским повстанчеством на юге Приенисейской Сибири в 1922 г. // Мир Евразии. 2013. № 2(21). С. 76 – 80.

²⁷ Зверков Е. А. Бандитизм в Центральном Черноземье в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 2(99). С. 62 – 69.

²⁸ Бойко Ю. Н., Коновалова О. В. Советская милиция Енисейской губернии в 1920 – 1925-х гг. // Социально-экономический и социальный журнал Красноярского ГАУ. 2021. № 2. С. 87 – 96.

²⁹ Орлов К. А., Чашников В. А. Некоторые аспекты деятельности органов милиции в годы Гражданской войны (1918 – 1920 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 171 – 176.

³⁰ Епифанов А.Е. Организация и деятельность политических бюро при начальниках уездных управлений милиции Царицынской губернии (1919 – 1922 гг.) // Право и практика. 2023. № 1. С. 5 – 9.

³¹ Берман Я. Л. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 47 – 78.

³² Пять лет Верховного суда. 1918 – 1923. М., 1923; Данишевский К. Х. Революционные военные трибуналы. М., 1920.

режима³³. О роли революционных трибуналов в системе антикрестьянского террора пишет в своей статье В. В. Никулин. Исследователь приходит к выводу о том, что коммунистическая власть использовала их формальную легитимность для морально-идеологического обоснования своих репрессивных действий³⁴. Анализируя процесс создания Брянского революционного трибунала, исследователь М. В. Брянцев отмечает напряженность во взаимоотношениях с губернскими органами власти и местной ЧК³⁵. Ульяновские историки изучили деятельность ревтрибуналов на территории Среднего Поволжья. Авторы утверждают, что «чрезвычайные судебные органы при выполнении своих задач нередко допускали просчеты и открыто пренебрегали принятыми законодательными актами»³⁶.

Проблеме функционирования ревкомов черноземных губерний в годы гражданской войны посвящен сборник материалов под редакцией В. Алексеева и В. Комарова³⁷. В монографии Г. И. Литвиновой изучены структура и основные аспекты работы ревкомов³⁸. Характер работы ревкомов в годы гражданской войны раскрыт в книге Ю. М. Понихидина³⁹. Ряд работ посвятил изучению этой темы Н. Ф. Бугай⁴⁰. В последнее десятилетие вышел целый ряд научных статей, посвященных истории ЧОН⁴¹.

³³ Буков В. А. Суд и общество в Советской России: у истоков тоталитаризма. М., 1992; Стецовский Ю. И. История советских репрессий. Т. 1. СПб., 1997; Смыкалин А. С. Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 39 – 42.

³⁴ Никулин В. В. Революционные трибуналы в системе антикрестьянского террора (1918 – 1921 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 189. С. 200.

³⁵ Брянцев М. В. К вопросу об образовании Брянского революционного трибунала // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2016. Т. 4, № 2(14). С. 152–153.

³⁶ Мухамедов Р. А., Чигрин М. В., Пашкин А. Г. Формирование системы революционных трибуналов на территории Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2023. Т. 5, № 1. С. 60.

³⁷ Алексеев В., Комаров А. Гражданская война в ЦЧО. Док-ты и мат-лы. Т. 1. Воронеж, 1931.

³⁸ Литвинова Г. И. Революционные комитеты в годы Гражданской войны. М., 1974.

Понихин Ю. М. Революционные комитеты РСФСР, 1918 – 1921 гг. Саратов, 1982.

⁴⁰ Бугай Н. Ф. Ревкомы: научно-популярный очерк. М., 1981; Он же. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы 1918 – 1921 гг. М., 1990.

⁴¹ Абрегова Н. В. Революционные комитеты и их роль в восстановлении советской власти на Кубани в 1920 году // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 8. С. 1 – 12; Куренков А. В. Образование уездных, волостных и сельских ревкомов на территории Томской губернии (конец 1919 – начало 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 54 – 60; Тропов И. А., Конкин А. А. Чрезвычайные революционные органы Петроградской губернии в 1919 г. // Ключ. 2017. № 12(132). С. 130 – 134.

Заявленная тема в зарубежной историографии не изучалась, но проблема функционирования чрезвычайных и репрессивных органов нашла свое отражение в исследованиях иностранных историков. Кадровой проблеме ВЧК и причинам ее отчуждения от населения посвящена работа Л. Герсона⁴². По наблюдению М. Паттерсона большинство чекистов вступили в партию в 1917 году, т.е. использовали службу в органах безопасности как социальный лифт⁴³. Преувеличивает роль чрезвычайных комиссий в утверждении тоталитарного режима Р. Рейфилд⁴⁴. Оливер Рэдки причину крестьянского повстанчества усматривает в продразверстке⁴⁵. Орlando Файджес считал взаимоотношения между государством и крестьянством главной проблемой в организации большевиками системы управления⁴⁶. Оценку действиям продовольственных отрядов дал Э. Ландис, утверждая, что «положение для продотрядов осложнялось тем, что крестьянское население воспринимало их крайне негативно, а повстанцев – как народных заступников, борющихся с несправедливостью»⁴⁷.

В современных исследованиях хорошо изучен процесс создания законодательной базы, организационного строительства, кадрового состава репрессивных органов советской системы управления. Углубленного исследования требуют проблемы механизма репрессивной деятельности местных чрезвычайных комиссий, их взаимоотношений с губернскими трибуналами и партийно-советскими органами. Недостаточно выясненными остаются вопросы формирования революционных трибуналов, отношения к их деятельности жителей села. Не исследован репрессивный механизм в деятельности чрезвычайных органов советской системы управления.

Цель работы состоит в изучении организации и деятельности репрессивных органов Тамбовской губернии 1918 – 1922 гг. Для ее достижения поставлены следующие **задачи**:

– установить идеологическую основу, правовую базу, объективные условия, политическую направленность процесса создания органов управления;

⁴² Gerson D. The Sekret Police in Russia. Philadelphia. 1976.

⁴³ Patterson M. Moscow Chekists during the Civil War. 1918 – 1921. Simon Fraser University, 1991.

⁴⁴ Rayfield D. Stalin and his Hangmen. Penguin Books, 2005.

⁴⁵ Radkey Oliver H. The Unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Movement in the Tambov Region 1920–1921. Stanford, 1976.

⁴⁶ Figes Orlando. Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in Revolution (1917 – 1921). Oxford, 1989.

⁴⁷ Landis E. The fate of the Soviet countryside // Was revolution inevitable? Turning points of the Russian revolution / Ed. by T. Brenton. Oxford: Oxford univ. press, 2017. P. 218 – 243.

- определить содержание реализуемых ими задач, способ их достижения и характер использованных мер;
- дать оценку результативности их работы, принципу кадрового подбора, профессионального уровня и морального облика сотрудников;
- изучить характер взаимоотношений чрезвычайных и карательных органов в осуществлении репрессивной политики, а также реакцию сельского населения на ее проведение;
- осуществить анализ различных форм «революционного» правосудия, деятельности временной военно-гражданской администрации;
- выявить особенности функционирования репрессивных органов системы управления Тамбовской губернии в период гражданской войны.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности, научности и системности. Принцип историзма применен в изучении репрессивных органов в их последовательном развитии в контексте событий гражданской войны и с учетом конкретного исторического опыта. Принцип объективности использован для концептуального осмысления и непредвзятой оценки изучаемой проблемы на основе совокупности достоверных фактов, извлеченных автором из различных видов источников. Посредством принципа научности определены тема, объект и предмет исследования. Его использование позволило впервые изучить репрессивную функцию советской системы управления на региональном уровне. Принцип системности отражен в комплексном подходе к анализу репрессивных органов как взаимосвязанных элементов системы управления. Его применение позволило определить взаимодействие элементов репрессивного механизма и различных форм насилия.

В работе применена мультипарадигмальная стратегия, дающая возможность использовать различные исследовательские концепции в познании изучаемого явления. Различные методологические подходы, дополняя друг друга, формируют историческую картину событий. Цивилизационный подход использован в анализе влияния власти на сельский социум и ответной реакции со стороны крестьянства. Оно в изучаемый период выступало основным объектом правительственных репрессий, одновременно продолжая оставаться движущей силой аграрной революции 1902 – 1922 гг. Теория модернизации, с учетом фрагментарности и неравномерности российского варианта этого процесса, была применена к познанию сути «большевистской модернизации» и ее репрессивной составляющей. Обращение к положениям «новой локальной истории» позволило соотнести деятельность губернских репрессивных орга-

нов с общероссийским контекстом проблемы. Установлена взаимосвязь продовольственной политики большевиков в российской деревне и повстанческого движения крестьян в регионе. Тоталитарный подход стал полезен в объяснении особой роли партийных структур в реализации репрессивных мер, перманентного характера террора, игнорирования конституции. Инструментарий историко-антропологического подхода был использован в трактовке революционного насилия как столкновение модернизаторства и традиционализма. Мобилизационный подход применен в контексте выявления факторов, влиявших на монополизацию власти и перераспределение ресурсов, задающих мобилизационный тип развития. Для анализа кадрового состава репрессивных органов, механизма «социальных лифтов» революционной эпохи использованы просопографический подход и парадигма «истории поколений». Историко-психологический подход позволил раскрыть особенности крестьянского менталитета, восприятие сельским социумом насилия со стороны власти, природу крестьянского повстанчества, значение принципа поруки в репрессивных мерах.

Источниковую базу исследования составили архивные материалы, опубликованные как в сборниках документов, так и извлеченные автором из фондов. По типам источников их можно разделить на:

- *Нормативно-правовые акты и документы органов государственной власти.* Они включают в себя декреты и постановления центральных органов советской власти – ВЦИК, СНК. В них изучена правовая основа создания и функционирования репрессивных органов системы управления, а также содержание законодательных актов, постановлений, распоряжений, определяющих и регулирующих полномочия чрезвычайных органов.

- *Документацию организационно-распорядительного характера,* которая содержит анализ общественно-политического положения в «мятежных» районах, приказы о создании и деятельности чрезвычайных органов на местах. Данные фондов военного комиссариата исполкома губернского Совета и уездных комиссий по борьбе с дезертирством включают сведения о мобилизациях, проведенных в уездах губернии, данные о числе призывников, количестве дезертиров, явившихся добровольно и находящихся в розыске. Протоколы заседания коллегии губЧК содержат материалы о контрреволюционных выступлениях, должностных преступлениях.

- *Информационные материалы* представлены донесениями командования боевых участков о проведении и результатах армейских операций, карательных акциях в отношении мирного населения; отчетами начальников продовольственных отрядов о ходе изъятия хлеба и случаях сопротивления кре-

стьян; рапортами участковых милиционеров о сельских «мятежах», розыске и аресте дезертиров; информационными сводками уездных политбюро о политических настроениях населения, фактах контрреволюционных выступлений.

– Другие источники исследования – *следственные дела и приговоры* революционного и военного трибуналов. Материалы допросов пленных партизан, крестьян, участвующих в разгроме совхозов, командиров и красноармейцев, обвиненных в военных преступлениях, руководителей и членов продовольственных отрядов, арестованных за насилие над мирным населением, дали возможность установить мотивы участия крестьян в восстании, выяснить условия сдачи в плен, причины измены красноармейцев. Приговоры трибуналов, выездных сессий ЧК содержат сведения о крестьянах, осужденных за бандитизм, о характере совершенного преступления, мере наказания.

– *Материалы периодической печати* представлены журналами, газетами советских органов, партийных комитетов, армейских частей, спецслужб, губернских и уездных изданий периода 1918 – 1922 гг. Помимо официальных документов: постановлений, распоряжений губкома, губисполкома, приказов губЧК, приговоров губревтрибунала, они содержат сообщения корреспондентов о ходе боевых действий с повстанцами, репрессивных мерах в ходе сбора продразверстки, борьбе с дезертизмом.

– *Материалы личного происхождения*, использованные в диссертации, такие как мемуары «красных» командиров; воспоминания партийных руководителей, советских работников, сотрудников ЧК, бойцов ЧОН; автобиографии, личные анкеты функционеров и рядовых сотрудников репрессивных органов.

В диссертационном исследовании использованы документы одиннадцати архивов (четырёх центральных, пяти региональных). В ходе проведения исследования были выявлены новые архивные материалы, которые включены впервые в научный оборот.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в постановке проблемы, концептуальном подходе к ее решению, полученных в ходе изучения выводах, а также в использованных и введенных в научный оборот архивных источниках.

Оригинальность диссертации заключается в комплексном изучении органов советской системы управления в период гражданской войны, проводивших репрессивную политику и осуществлявших карательные меры, в рамках отдельного региона.

Источниковая основа исследования была расширена за счет привлечения документов губернского и уездных комитетов, волостных ячеек РКП(б); материалов командования и штабов боевых участков; служебной документации отдела управления губисполкома; отчетов осведомителей губЧК; информации

газетных публикаций местной периодики; содержания следственных дел и приговоров выездных сессий трибуналов, воспоминаний ветеранов партии, комсомола, спецслужб и правоохранительных органов. Это позволило изучить репрессивный механизм «изнутри», увидеть конкретных исполнителей карательных мер и их жертв, понять мотивы жестокости носителей власти, объяснить причины поражения протестного движения крестьян.

В плане концептуального осмысления изученной темы к новациям можно отнести следующие утверждения: о социальной направленности государственного террора, об отсутствии «двойного подчинения» в органах ЧК, о решающем значении в подавлении крестьянского восстания не введения нэпа, а боевого поражения повстанческих отрядов вкупе с карательными акциями в отношении мирного населения. Суждения автора, требующие дальнейшего изучения и обоснования: служба в репрессивных органах являлась для «маргиналов революции» социальным лифтом; система местного управления (сельсоветы и волисполкомы) была «демонтирована» властью еще до начала крестьянского восстания и «реставрирована» после его подавления не посредством выборов, а «назначением» их состава и руководства; революционные (военные) трибуналы были псевдосудебными органами, а выносимые ими приговоры были ни чем иным, как формой «легитимизации» революционного насилия и актом «справедливого возмездия» трудящихся.

Положения, выносимые на защиту:

1. Создание репрессивных органов советской системы управления было обусловлено целью удержания политической власти в условиях гражданской войны, необходимостью изъятия хлеба у крестьян и проведения мобилизаций в Красную армию, потребностью в ликвидации повстанческого движения и протестных настроений, прежде всего сельского населения страны.

2. Организация таких органов осуществлялась как ситуативная реакция большевистской (коммунистической) власти на угрозы ее существования (контрреволюционные выступления, голод, дезертирство, повстанчество). Созданные по инициативе и контролируемые РКП(б), они сохраняли ведомственную подчиненность, но были самостоятельны в выборе приемов и средств.

3. Их деятельность носила чрезвычайный характер, а применяемые меры были репрессивными. Открытый протест крестьян подавлялся вооруженным путем, а лояльность мирного населения достигалась посредством карательных акций.

4. Кадровый состав этих органов, состоящий как из «назначенного» руководства, так набранных сотрудников, не обладал требуемыми компетенциями, был подвержен коррупции и должностным преступлениям.

5. Карательные органы были представлены революционным и военным трибуналами, политическими комиссиями, особыми «пятерками» и «тройками». Являясь квазисудами и осуществляя «революционное правосудие», они стали для власти орудием «заслуженного» возмездия.

6. Система волостных исполнительных комитетов и сельских советов в «мятежных» районах была заменена военно-партийной администрацией. Революционные комитеты, созданные в зоне оккупации, обладали чрезвычайными полномочиями и осуществляли насильственные меры, направленные на «зачистку» сел от дезертиров, партизан, членов СТК, а также на изъятие у населения оружия.

7. Деятельность органов советской системы управления носила ярко выраженный репрессивный характер и имела антикрестьянскую направленность. Объектом насилия выступала сельская община. Ее традиционный механизм (круговая порука, солидарная ответственность) были использованы властью для того, чтобы (угрозой) расстрелом заложников принудить ее отказаться от поддержки повстанцев.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история, следующим направлениям исследований: п. 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; п. 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; п. 16. История российских революций.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в изучении истории советских органов управления, природы советского тоталитаризма, механизма политических репрессий, причин и форм протестного движения крестьян. Материалы могут быть применены в подготовке монографий и научных статей по аграрной истории, истории советской системы управления, правоохранительных органов и спецслужб, чрезвычайного правосудия революционной эпохи.

Практическая значимость исследования заключается в необходимости учета исторического опыта применения государственной властью репрессий и чрезвычайных мер в условиях политического кризиса. Содержание диссертации может быть использовано при подготовке текста лекций и материалов учебных пособий по отечественной и региональной истории, в спецкурсах, посвященных гражданской войне, истории ВЧК, рабоче-крестьянской милиции, революционных трибуналов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные выводы и положения, полученные в результате исследования, изложены соискателем посредством выступлений соискателя с сообщениями на трех научных конференциях. По теме исследования опубликовано семь статей, из которых четыре в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Структура диссертации. Работа построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, трех глав, состоящих из семи параграфов, заключения, списка используемых источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, продемонстрирована степень ее изученности, определены объект, предмет, хронологические и географические рамки исследования, сформулированы цели и задачи работы. Изложена теоретико-методологическая база исследования, дана характеристика источников и используемой литературы, указана научная новизна, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования, приведены данные об апробации исследования, обозначена структура диссертации.

Первая глава диссертации посвящена организации и деятельности специальных комитетов, создание которых было реакцией власти на возникновение в стране чрезвычайных ситуаций (угроза голода, массовое дезертирство), а также попыткой решить возникшие проблемы посредством применения репрессивных мер.

В **первом параграфе первой главы «Продовольственные и заградительные отряды»** установлены причины введения в стране продовольственной диктатуры, выяснена роль в ее осуществлении центральных и губернских органов управления, дан анализ репрессивных мер, примененных продовольственными и заградительными отрядами в ходе изъятия хлеба. В советской системе управления губернские продовольственные комитеты были использованы властью для решения проблемы заготовок хлеба. Они осуществлялись посредством реквизиции у крестьян хлебных «излишков» специально созданными для этого продовольственными отрядами. Изъятие ими у сельского населения хлеба, мяса и других продуктов производилось насильственными мерами и без учета хозяйственного состояния крестьянских дворов. Реакцией крестьян на политику ограбления деревни стали сельские восстания, которые власть подавляла силой оружия. Дефицит продовольствия в стране вкпе

с невозможностью осуществить снабжение продуктами питания горожан вызвали к жизни такое явление, как мешочничество. Для пресечения самодельного продуктообмена были сформированы заградительно-реквизиционные отряды, деятельность которых носила откровенно репрессивный характер.

Во **втором параграфе данной главы** изучена деятельность такого органа, как **«Тамбовская губернская комиссия по борьбе с дезертирством»**. Создание комиссий по борьбе с дезертирами было обусловлено ходом военных действий гражданской войны и потребностью в проведении мобилизации в целях пополнения личного состава Красной армии. В условиях массового дезертирства и масштабного уклонения от призыва, как свидетельства нежелания крестьян защищать коммунистический режим, сопротивление могло быть преодолено лишь применением насилия. Поэтому «антикризисное» управление осуществлялось специальным органом, который был наделен чрезвычайными полномочиями, а главное – располагал вооруженными отрядами для проведения репрессивных мер. Оценкой их действенности может служить факт добровольного вступления и активного участия дезертиров тамбовского села в повстанческом движении.

«Части особого назначения», исследованные автором в **третьем параграфе первой главы**, формально не относились к советской системе управления, но по характеру своей деятельности и участию в борьбе власти с различными формами крестьянского протеста являлись репрессивным органом, осуществлявшим вооруженное насилие. Части особого назначения были созданы РКП(б) в качестве партийной гвардии, военизированных формирований идейных коммунистов, призванных силой оружия осуществлять меры репрессивного характера. При формировании ЧОН Тамбовской губернии требование о преимущественном зачислении в них партийцев с дореволюционным стажем выполнить не удалось, по причине того, что в губернской парторганизации таких были единицы. Дефицит командного состава в частях особого назначения был преодолен за счет коммунистов, командированных в губернию из центра. На протяжении всего периода деятельности ЧОН были плохо вооружены и испытывали потребность в обмундировании. Боеспособность коммунистических отрядов, за исключением Ивановского совхоза и Токаревского, была низкой. Деятельное участие ЧОН приняли в проведении хлебной разверстки и мерах по зачистке оккупированных районов от «бандитского элемента» в ходе подавления крестьянского восстания под руководством А. С. Антонова.

«Органы государственной безопасности и охраны правопорядка» исследованы в рамках **второй главы** диссертации. В ней изучены организация

и функционирование таких репрессивно-карательных органов советской системы управления, как чрезвычайные комиссии по борьбе с бандитизмом и революционные трибуналы.

В **первом параграфе данной главы** рассмотрена деятельность **«чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией»** изучаемого периода. В Тамбовской губернии комиссариат (чрезвычайная комиссия) по борьбе с контрреволюцией был организован решением губисполкома 5 марта 1918 г. До конца 1918 г. вооруженные отряды были созданы при всех уездных ЧК. Главным направлением в их работе являлась борьба с протестом местных крестьян, вызванным мобилизациями и хлебными реквизициями в тамбовских селах. Основным методом борьбы местных чекистов было вооруженное насилие. Крестьянское население крайне негативно воспринимало действия местных «чрезвычайек», недовольство вызывали и применяемые ими репрессивные меры. Качество кадрового состава губЧК было низким. Ее сотрудники не соответствовали служебным и моральным требованиям. Деятельность Тамбовской губЧК в период гражданской войны и крестьянского восстания 1920–1921 гг. характеризовалась насилием в отношении как комбатантов, так и мирного населения, применением карательных мер к организаторам и участникам протестных выступлений. В ходе подавления крестьянского протеста органы безопасности использовали: взятие заложников, конфискацию имущества и сожжение домов «бандитов», публичные расстрелы повстанцев, арест и содержание в концлагерях членов семей партизан.

Во **втором параграфе второй главы** изучены организация и деятельность **«Тамбовской губернской рабоче-крестьянской милиции»**, а также ее участие в репрессивной политике коммунистической власти в период гражданской войны. Советская милиция формировалась как орган исполнительный власти, занимающий подчиненное положение по отношению к Советам различного уровня. С созданием милиции в Тамбовской губернии она, как и в целом по стране, стала частью складывающейся репрессивной составляющей советской системы управления. Местные органы милиции в 1918 – 1922 гг. активно использовались коммунистическим режимом для подавления крестьянского протеста. В частности, сотрудники губернской и уездной милиции привлекались: для осуществления насильственных мер по отношению к участникам сельских «мятежей» 1918–1919 гг.; в целях розыска и ареста деревенских дезертиров; к участию в карательных операциях правительственных войск по борьбе с повстанческими отрядами; для охраны советских учреждений и объектов инфраструктуры и т.п. В проведении репрессивных мер в отношении крестьян тамбовская милиция не проявляла требуемой властью активности.

В третьей главе диссертации исследованы **«Чрезвычайное правосудие. Военно-партийная администрация»**, первое – в виде революционных трибуналов, второе – в различных формах временной администрации, созданной властью в оккупированных районах.

Репрессивная сущность и карательная функция **«Революционных (военных) трибуналов»** как квазисудебных органов советской системы управления раскрыты в **первом параграфе третьей главы** диссертации. Структурно ревтрибуналы входили в отдел (комиссариат) юстиции губисполкомов и являлись частью системы управления. Они создавались решением исполнительных комитетов советами, которые утверждали их состав. К «контрреволюционным» преступлениям власть относил любые формы социального протеста. В целях ускорения процесса революционного правосудия в районе восстания были организованы семь выездных сессий реввоен трибунала, по одной на боевой участок. В советской системе управления революционные (военные) трибуналы осуществляли функции легимитизации репрессивной политики. Наряду с ЧК они выступали для коммунистического режима орудием массового террора, придавая ему видимость, пусть и революционной, но законности, суть которой состояла в самосохранении власти, и это не могло быть достигнуто без безжалостного подавления масштабного крестьянского протеста. Особенностью деятельности трибуналов Тамбовской губернии в изучаемый период было то, что они активно использовались в форме выездных сессий как карательный механизм антикрестьянского террора. Посредством псевдоправосудия репрессивные меры, включая расстрел, применялись к участникам сельских «мятежей» периода продразверстки, деревенским дезертирам времен гражданской войны, повстанцам и некомбатантам крестьянского восстания.

«Полномочная комиссия ВЦИК. Политкомиссии. Ревкомы» как временная форма организации системы управления, вертикаль военно-партийной администрации, действующей на оккупированной правительственными войсками территории «мятежных» районов губернии, рассмотрены во **втором параграфе третьей главы**. В период борьбы с крестьянским восстанием в оккупированных правительственными войсками районах была учреждена военно-политическая администрация. Временные органы управления, начиная с Полномочной комиссии ВЦИК и заканчивая сельскими ревкомами, обладали чрезвычайными полномочиями и осуществляли репрессии. Принцип формирования (назначение) и характер деятельности (насилие) политических комиссий и революционных комитетов были неприемлемы крестьянам и чужды местным жителям. Умиротворение тамбовской деревни было достигнуто посредством массового террора и в результате военного поражения повстан-

ческого движения. Процесс возрождения советской системы управления в «бандитских» волостях и селах преследовал цель создать на местах политически ангажированный и административно послушный аппарат.

В **заключении** диссертации подведены итоги исследования, сделаны обобщения и сформулированы выводы.

После утверждения советской власти в стране на местах реализуется модель управления, основанная на идее «диктатуры пролетариата» посредством широкого самоуправления «трудящихся». «Общинная» революция посредством «черного передела» лета-осени 1917 г. реализовала крестьянскую утопию, а популистский лозунг большевиков утратил свою актуальность. Задача установления контроля над хлебными запасами сельскими советами не была реализована по причине сопротивления этому процессу со стороны крестьянских общин. Реакцией деревни стал протест, вылившийся в череду сельских «мятежей» осени 1918 г. Никакого участия в их подавлении местные советы не принимали, а в ряде мест и поддерживали антиправительственные выступления. Таким образом, ни одна из функций, в том числе и репрессивная, советской системы управления не работала. Выход мог быть найден только посредством осуществления чрезвычайных мер управления и создания специальных органов с широкими полномочиями.

Стратегическая задача большевиков – удержание политической власти – определила как чрезвычайный характер создаваемых органов, так и их репрессивную сущность. Угроза голода стала первым, но далеко не последним вызовом новой власти. В силу своей природы и социального состава решить задачу насильственной мобилизации продовольственных запасов местные советы не могли. Тогда был организован «поход за хлебом»: в хлеботорговые районы, прежде всего в Тамбовскую губернию, отправлялись вооруженные отряды рабочих промышленных предприятий. Изъятие ими продовольственных запасов у селян осуществлялось насильственно, без учета экономического положения крестьянских семей; протест подавлялся силой оружия.

Другой напастью для коммунистического режима стало массовое дезертирство в Красной армии, грозящее власти поражением в гражданской войне. Уклонение деревенских призывников от мобилизации было формой крестьянского протеста. Для решения проблемы в губерниях созданы комиссии для борьбы с дезертирами, которые являлись одновременно руководящими, контролирующими и исполнительными органами советской системы управления. Созданные при них отряды применяли весь диапазон репрессивных мер – от конфискации имущества и земельного надела до расстрела «злостных» дезертиров, оказавших сопротивление при аресте. Их действия носили откровенно преступный характер.

Части особого назначения, состоящие из коммунистов и комсомольцев, формально в советскую систему управления не входили, но в действительности были использованы местной властью для осуществления карательных акций. Так, «гвардейцы партии» оказывали «помощь» в проведении продразверстки, участвовали в подавлении крестьянских выступлений 1919 г., взаимодействовали с армейскими частями в их боевых действиях с партизанами, проводили операции по зачистке оккупированных районов от «бандитов».

Ведущим органом в системе управления, осуществлявшим выявление, преследование и наказание «врагов Советской власти», была ВЧК и ее губернские комиссии. Созданные как один из отделов управления губернского исполкома, они являлись органом исполнительной власти, к тому же, обладавшим внесудебными полномочиями. Если губком и осуществлял контроль над ЧК, то утверждение, что он руководил ее работой, является преувеличением. Изученный нами корпус архивных документов, отражающий характер взаимоотношений этих органов, свидетельствует о самостоятельности в принятии управленческих решений. Для деятельности Тамбовской губЧК в изучаемый период было присуще как использование массовых репрессий в отношении сельских повстанцев и поддерживающего их населения «мятежных» районов, так и применение карательных мер к руководителям и участникам крестьянского восстания.

С созданием рабоче-крестьянской милиции как органа по охране общественного порядка одной из ее функций стала борьба с «контрреволюционными выступлениями». Она оставалась неизменной на протяжении всего изучаемого периода, как и включение милиции в управленческую вертикаль советской системы. Местная власть в 1918 – 1922 гг. активно использовала милицию для борьбы с крестьянским протестом. Тамбовская милиция, как и вся система местного управления, была подвержена коррупции, а ее сотрудники в осуществлении служебной деятельности не свободны от влияния родственных связей.

Революционные трибуналы входили в отдел (комиссариат) юстиции губ-исполкома и являлись частью советской системы управления. Основным объектом репрессий Тамбовского губернского революционного военного трибунала были «бандиты», участники крестьянского восстания. Особенностью деятельности трибуналов Тамбовской губернии было использование выездных сессий как оперативной формы «революционного правосудия» и карательного механизма анти-крестьянского террора.

Другой особенностью советской системы управления в Тамбовской губернии стала замена конституционных органов власти временной администрацией военно-политического характера. С началом своей деятельности Полномочная комиссия ВЦИК столкнулась с главной проблемой – отсутствием системы управления. Выход был найден посредством организации участковых политических комиссий, чрезвычайных органов временной администрации. Именно они побуждали подчиненные им волостные и сельские ревкомы использовать самые жесткие меры по отношению к мирному населению. Деятельность ревкомов сопровождалась злоупотреблениями, а в ряде случаев была преступной даже с позиции революционного законодательства.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ СОИСКАТЕЛЯ:

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ при Министерстве науки и высшего образования:

1. **Парахин, С. А.** Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия в борьбе с крестьянским протестом (1918 – 1922 гг.) [Текст] / С. А. Парахин, В. Б. Безгин // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, Вып. 8. – С. 1574 – 1578 (0,5/0,3 печ. л.).

2. **Парахин, С. А.** Расстрелы крестьянских повстанцев и сельских заложников в Тамбовской губернии 1918 – 1921 гг. [Текст] / С. А. Парахин, В. Б. Безгин // История: факты и символы. – 2021. – № 4(29). – С. 113 – 125 (1/0,6 печ. л.).

3. **Парахин, С. А.** Участие тамбовской губернской милиции в борьбе с крестьянским повстанчеством. 1918 – 1922 гг. [Текст] / С. А. Парахин, В. Б. Безгин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 491 – 500 (1/0,6 печ. л.).

4. **Парахин, С. А.** Революционные трибуналы Тамбовской губернии 1918 – 1922 гг. [Текст] / С. А. Парахин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 806 – 817 (1 печ. л.).

Статьи в других изданиях:

5. **Парахин, С. А.** Части особого назначения Тамбовской губернии 1919 – 1924 гг. [Текст] / С. А. Парахин // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем : материалы XI (XXII) Всерос. науч. конф., посвященной 385-летию

Тамбова, г. Тамбов, 22 апреля 2021 г. – Тамбов : ООО «ТПС», 2021. – С. 102 – 109 (0,5 печ. л.).

6. **Парахин, С. А.** Репрессивная деятельность ревкомов Тамбовской губернии в 1921 году [Текст] / С. А. Парахин, В. Б. Безгин // Проблемы аграрной истории России : материалы IV Всерос. науч. конф. (памяти профессора В. М. Важинского), посвященной 160-летию крестьянской реформы в России, г. Липецк, 23 апреля 2021 года. – Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. – С. 115 – 121 (0,5/0,3 печ. л.).

7. **Парахин, С. А.** Реквизиционные отряды в Тамбовской губернии 1918 – 1920 гг. [Текст] / С. А. Парахин, В. Б. Безгин // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем : материалы XXIV Всерос. науч. конф., посвященной 150-летию С. В. Рахманинова, г. Тамбов, 30 марта 2023 г. – Тамбов : ООО «ТПС», 2023. – С. 9 – 12 (0,4/0,2 печ. л.).

Общий объем всех публикаций составляет 4,9 печ. л., личный вклад автора – 3,5 печ. л.